

Сергей САКАНСКИЙ

АМФОРА

Мини-роман

**Тайна
древнего
могильника**

Сергей Саканский

**Амфора. Тайна
древнего могильника**

«Автор»

2012

Саканский С. Ю.

Амфора. Тайна древнего могильника / С. Ю. Саканский —
«Автор», 2012

Говорят, что археологи погружаются в глубь времен... Думал ли молодой ученый Глеб Славин, что ему на самом деле предстоит далекое и опасное путешествие – туда, откуда не возвращаются ни живые, ни мертвые?

© Саканский С. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

ДРЕВНИЙ ИДОЛ И СТРАННАЯ ГОСТЬЯ	6
ПРИВИДЕНИЕ С КРЕПКИМИ КОСТЯМИ	13
ПОКИНУТОЕ ЖИЛИЩЕ ЛАРЫ КРОФТ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Саканский
Амфора
Тайна древнего могильника
Мини-роман

Для вас – века для нас – единый час...
Александр Блок, «СКИФЫ»

На обложке: скифская баба где-то в Северном Причерноморье.

ДРЕВНИЙ ИДОЛ И СТРАННАЯ ГОСТЬЯ

Скифская баба внутри греческого склепа – явление уникальное, и нет ему никакого разумного объяснения. В шестом веке до нашей эры эта местность была колонизирована выходцами из Эллады, они построили здесь довольно крупный город, именуемый Гермонасса. Так его называли в честь Гермона, строителя колонии и первого архонта – лидера ее людей. У Глеба были все основания полагать, что найденный склеп принадлежит именно роду Гермона и где-то на дне камеры покоятся кости человека-легенды. Желание найти эти останки было настолько сильным, что Глеб так и назвал этот незапланированный раскоп: «склеп Гермона».

Но как объяснить такое смешение культур? Зачем колониальным грекам потребовалось спустить в свой семейный могильник святыню чуждого, дикого народа, населявшего враждебные степи?

Вот уже три дня, как жуткая серая голова появилась из толщи грунта в раскопе и Глеб почти смирился с самим фактом ее существования, ему даже казалось, что он на грани какого-то потрясающего открытия, которое перевернет современную историческую науку... И вот сегодня древний идол преподнес ему новый сюрприз – нечто совершенно невообразимое, никакого отношения не имеющее ни к науке, ни к реальности вообще.

* * *

Глеб Славин служил начальником археологической экспедиции, что стояла на краю Таманского полуострова, раскинув свои палатки у самого берега залива. Море здесь было не для развлечения: уставшие землекопы попросту мылись в его невысоких волнах, горстью водорослей счищая с загорелых ног вещество тысячелетий.

Две недели назад Глеб проводил плановую проверку стройплощадки под будущую школу: по закону, прежде, чем что-то строить, полагалось запустить археологов.

Угол камня, явно обработанного, торчал из грунта, Глеб распорядился копнуть... В результате строительство школы было приостановлено, поскольку блок песчаника лежал в кладке свода богатого греческого захоронения. Такую основательную постройку мог позволить себе только сильный, процветающий род. А чей род в те времена мог быть таким? Да только Гермона, основателя города. Значит, Глебу именно и предстояла «встреча» с самим Гермоном, то есть – бережная расчистка его костяка.

Пока же раскопки дошли примерно на три четверти глубины, для чего начальнику экспедиции пришлось в срочном порядке организовать бригаду из пяти наиболее опытных копателей и самому возглавить ее.

Законы Российской Федерации были на стороне археологов: огороженный участок считался неприкосновенным до конца раскопок, которые можно было вести по обыкновению медленно и верно, но Глеб не хотел портить отношения ни со строителями, ни с администрацией станицы, поэтому и устроил три рабочих смены, на весь световой день, причем, из-за нехватки людей, в последней, вечерней смене он сам становился простым землекопом.

В этой смене его напарником был Сед – вечный студент, профессиональный пьяница и наркоман-любитель: пьян он был всегда, а вот всяческие драги – таблетки или траву употреблял при случае. Его полный ник был Седуксен, а имя-фамилию уже давно никто не помнил.

– Что за... – послышалось кряхтение из первой камеры, где работал Сед. – Глеб, это глюк какой-то. Подойди, пшласта, посмотри. Статуя просто летает в склепе!

Сед глотал слова от волнения: казалось, он чего-то сильно боится.

Глеб отвлекся от изящного флакончика, который расчищал в нише. Археологический нож Сед (обыкновенный, конечно: просто широкий нож, каким режут хлеб, но здесь и теперь любой инвентарь можно называть археологическим) ковырял под основанием скифской бабы, уже зайдя за его край. Сед прорыл довольно длинную нору. Глеб совершенно естественно полагал, что баба опирается на какой-то камень – ведь в первой камере, где работал студент, до пола склепа оставалось предположительно сантиметров пятьдесят, о чем можно было судить по уровню дна второй камеры, которая уже была освобождена от грунта. Но никакого камня под статуей не было.

– Сед, – терпеливо сказал Глеб, – не паникуй. Наверное, она просто стоит на двух блоках, справа и слева от твоей дыры. Возьми щуп и проколи грунт.

Сед нашарил длинный стальной прут с буковой ручкой, позаимствованной у напильника, и осторожно ввел его в пространство под статуей. Щуп прошел сквозь песок легко, с тихим хрустом, будто врезаясь в мякоть плода. Никакой опоры под изваянием не было.

– Должно быть какое-то объяснение, – пробормотал Глеб. – Ты не трогай ее пока, расчищай, например, западный угол, – он двинул ладонью на запад, будто отмахиваясь от мухи.

Глеб уже смирился с тем, что греки использовали идола чуждой культуры, например – просто как глыбу камня, как колонну для поддержки свода, скорее всего, намереваясь ее обтесать, чтобы стереть все признаки изображения, но что-то помешало, и баба так и осталась бабой.

Правда, голова изваяния не касалась потолка. Ну и что? Можно допустить, что ее только собирались сделать колонной, однако позже, когда строительство камеры подошло к завершению, передумали, подняли потолок повыше, а саму скульптуру уже было поздно вытаскивать, поскольку строители уже уложили камни, ограничивающие вход.

Это было единственное объяснение. Возможно даже, что какое-то время варварская святыня и вправду служила колонной: на ее голову водрузили дополнительный блок, но затем, от вековых подвижек земли, он свалился и лежит теперь где-то на полу, под нераскопанным слоем земли...

И вот теперь – новый сюрприз: статуя, как выразился Сед, просто летает в склепе!

Ну, не летает конечно, в реальном смысле. Дело в том, что искусственные подземные пустоты постепенно заполняются грунтовыми наносами, и пол сооружений с веками поднимается – до тех пор, пока могила полностью не зарастет песком или лессом, в зависимости от того, каковы в данной местности грунты. Это только в кино отважные археологи проваливаются в какие-то подземелья и бродят там среди умопомрачительных артефактов.

Получается, что скифскую бабу поставили в склеп уже спустя лет полтораста после того, как он был закрыт, и пол занесло на полметра.

– Но это невозможно! – воскликнул Глеб, вперившись в плоское серое лицо бабы, в сущности, к ней и обращаясь. – Ведь плиты на входе не смогли бы тебя пропустить, такую толстую. Получается, будто ты сама по себе появилась внутри готового склепа, будто родилась здесь.

– Родилась, выросла и умерла, – угрюмо отозвался Сед, не разгибаясь в своем углу.

Скифская статуя возникла в склепе не раньше первого века до нашей эры, иначе она стояла бы ниже.

Спустя минуту Глебу уже было не до раздумий на тему исторического детектива. Он присел на корточки и осторожно поддел сантиметровую корочку грунта под нишей для жертвоприношений. Он специально оставил этот кусок нетронутым, чтобы не топтать узорную ступеньку во время работы в нише, и теперь решил, наконец, дочистить его. Утопанный его ногами пласт отслоился от каменной плиты, явив темно-бурый тюльпан, мозаикой выложенный на ступеньке. И не только... На каменном венчике цветка лежала золотая монета.

О большей удачи Глеб даже и не мечтал. Золото уже блеснуло в этом склепе: позавчера, едва начав расчищать нишу для жертвоприношений, он вытащил небольшой канфар, относя-

щийся к шестому веку до нашей эры. Была в нише и медь – маленький половник, с помощью которого греки размешивали в пеликах свое густое вино. Но монета – особый случай. Это была первая монета в его жизни. Глеб низко наклонился, почти распластавшись по полу, достал лупу и рассмотрел находку. Что-то с этой монеткой было не так, но он не сразу понял, какой невероятный сюрприз преподнес ему древний могильник...

* * *

Глеб служил археологом уже пятый год. Поначалу он думал поступить в аспирантуру, написать диссертацию, может быть, перебраться в Москву, на чем постоянно настаивал отец, мечтая, чтобы сын стал большим ученым. Именно на деньги отца Глеб и закончил Краснодарский университет.

Сразу поступить в аспирантуру не удалось. Неожиданно открылась вакансия руководителя экспедиции в кубанской станице. Глеб ехал сюда с искренней уверенностью, что будет целый год готовиться, понемногу каждый день, и следующей весной сдаст экзамены, явившись в альма-матер прямо с раскопок, загорелый и жилистый, словно Индиана Джонс.

У Индианы кнут, а у Глеба – солдатский ремень от его дембельской формы. Индиана носит лихую ковбойскую шляпу, а Глеб – не менее значительную хулиганскую кепку, какие крутили с особым заломом короли астраханских дворов в пятидесятые, в эпоху юности отца, отчего осталось множество фотографий в старых альбомах: отец и его молодые друзья, теперь уже умершие – с папиросками в уголках рта, в белых футболках, которые действительно имели смысл, поскольку ребята и вправду постоянно играли в футбол... Отец скончался от сердечного приступа той осенью, когда Глеб сидел в казачьей хате над книгами и учебниками. Съездив домой на похороны, вернувшись в станицу, он вдруг понял, что не надо ему никакой аспирантуры и ученым он быть не собирается, ибо уже нет отца, некому доказывать...

Впрочем, и доказывать ничего не хочется. За осенью естественным образом последовала зима, коллектив археологической экспедиции сузился до одного человека – ее руководителя Глеба Славина, станицу на две недели занесло снегом, Азовское море замерзло, из окна было видно, как над серым льдом ветер гонит голодных, ничего не понимающих чаек, но даже в бесконечные вечера, когда отключали свет и так было бы весело посидеть над мудрой книгой с керосиновой лампой, Глеб и вовсе не открыл ни одной своей книги...

Зачем ему, собственно, быть ученым в каком-то, пусть даже и столичном кабинете, входить, блистая лбом, в лекционные аудитории, когда ему и так хорошо?

Наступила весна, в экспедицию понаехали архаровцы со всей страны, Глеб опять ходил в своей кепке, подпоясывался ремнем. Стал действительно археологом, достаточно знал этот предмет, чувствовал маленькие археологические радости, вроде вот этой монеты с профилем Митридата-Евпатора.

Во оно! Митридат-шестой Евпатор правил на рубеже тысячелетий. Этот склеп запечатали задолго до его рождения. Как же сюда попала монета с его чеканным лицом?

Хорошо: ее обронил человек, который побывал в склепе спустя полтора столетия после того, как тут перестали хоронить людей. Значит – это обычный грабитель, расхититель гробниц. Но если это так, то почему же он ничего не взял – ведь тогда еще не была занесена песком ниша, из которой Глеб своими руками на той неделе извлек медный половник, несколько чудесных керамических тарелочек и главное – золотой канфар, то есть, довольно крупный двуручный сосуд.

Как мог этот древний грабитель не взять меди и золота? Да и вообще – склеп-то был нетронут, а значит, человек, побывавший внутри, вообще ничего не взял.

Или, может быть, он все же что-то взял? Что-то такое, что было для него ценнее, чем золото? Но что может быть ценнее золота для жителя рубежа тысячелетий?

Нет, это неразрешимый вопрос: тот человек давным-давно умер, его плоть разложилась, вернулась в землю углеродом, азотом, кремнием, уже много раз послужила пищей для новых растений и животных, которые, в свою очередь, также перешли в гумус, и за две тысячи лет жизненный круг провернулся несколько раз...

Глеб осмотрел оба помещения склепа, провел мысленную линию от основания скифской бабы до ступеньки, которая была сооружена перед жертвенной нишей, чтобы было удобнее размещать в ней всяческие предметы. Так и есть: монета и статуя располагались на одном уровне. Получается, что ее обронил один из тех людей, которые зачем-то впихнули в склеп эту ужасную бабу. Разобрали перекрытия, поставили ее в яму, затем вновь запечатали склеп. Будто спрятали в нем свою святыню. Нигде, ни в какой литературе Глеб не читал ничего подобного. Чувство открытия вновь отдалось в груди легким покалыванием.

* * *

Что-то негромко стукнуло наверху. Глеб поднял голову и вздрогнул от неожиданности. Прямо на него, с расстояния метра, на фоне вечернего неба неразборчивое, смотрело лицо.

Секунд пять Глеб молча расставлял по местам его черты, будто собирая пазл, некую цветную мозаику, поскольку ему казалось, что он уже где-то видел эту девушку.

Впрочем, ничего удивительного: многие лица в станице давно ему примелькались – почта и пристань, керченский катер или просто улица – где только он не мог встретить ее раньше... Девушка сидела на корточках у края раскопа, сцепив руки в замок под подбородком. Короткая толстая косичка свисала с ее плеча.

– И что же вы тут делаете, мужчины? – спросила она низким голосом, и по одной-единственной фразе, по ее интонации Глебу стало ясно, что перед ним вульгарное, низкоорганизованное существо.

Чаще всего красота – и есть единственное достоинство красавицы. Глеб ответил поговоркой из детства:

– Много будешь знать – скоро состаришься.

– Я никогда не состарюсь, – угрюмо пошутила девушка.

– Лара! – воскликнул из своего угла Сед, оторвавшись от работы.

Глеб удивленно воззрился на него: и когда успел познакомиться с такой классной девчонкой этот шустрый драгмэн? Сед будто бы тотчас ответил на мысленный вопрос начальника:

– Это Лара. Она – черный археолог.

– Правда? – спросил Глеб у девушки.

– Просто любитель, – сказала она. – Вот, буду поступать в этот... Как его? В Краснодарский университет. Это ж надо: такие слова выговорить!

– Да уж, – сказал Глеб, – примут тебя с таким выговором. А самостоятельные раскопки запрещены. Да и я не позволю, лично.

– А я и не копаю ничего! Так, собираю всякую мелочь на берегу.

– Всякую собранную *мелочь*, – проговорил Глеб, ударяя на слове, – положено сдавать в экспедицию, то есть – мне, лично в руки.

Глеб сразу пожалел, что выглядит таким занудой, повторяя одни и те же речи.

– Как это – положено? – спросила девушка. – Положено кем? Положено куда?

Лара смотрела на него синими, круглыми от удивления глазами, будто не понимая, что он хочет сказать, а Глеб, уже не в силах остановиться, продолжал свою педантичную нотацию:

– Российскими законами. А вас я попрошу покинуть территорию раскопок.

Вот так всегда: заикнулся и не можешь сойти с тропы. Да с такой простушкой шутить надо, комплименты ей говорить, а не в бутылку тут лезть.

– А я и не желаю никаких территорий захватывать! – Лара дернула плечами, сверкнув на солнце гладкой золотой косичкой. – А что это там у вас блеснит, любезнейший? – она выбросила руку вперед и вниз.

– Монета, – смягчился Глеб, думая, что давно уже пора перестать выглядеть ученым дураком, но последующие слова Лары повергли его в изумление:

– Какая-то она неправильная, правда?

Это было немыслимо! Мало того, что эта девчонка разглядела с такого расстояния профиль Евпатора, она еще и сделала выводы... Это значило, что она лишь притворяется дурочкой и понимает в древностях гораздо больше, нежели полагается ее возрасту и образованию. Реальный черный археолог. Вот они, оказывается, какие. Глеб никогда раньше не встречался с людьми этой запретной профессии.

– О чем это вы говорите, хотел бы я знать? – спросил Глеб.

Лара будто бы смутилась, что показалось трогательным.

– Ну, это... – сказала она. – Почему на полу валяется?

– Кто-то уронил, вот и валяется, – сердито ответил Глеб.

Интерес, возникший было у него к этой Ларе, быстро угас. Ничего она не понимает – просто монетка «неправильно» валяется.

– Уронил – кто? Уронил – когда? – не унималась девушка.

– Одному Зевсу известно, – сказал Глеб.

– Нет никакого Зевса. Выдумали его.

– Мудрое замечание. Однако, нам работать надо, а вы мешаете разговорами.

– Таки не говорите со мной!

Бесполезно. Глеб отвернулся и осторожно ковырнул пласт рядом с монеткой. Трогать ее нельзя, надо сначала нанести на план и сфотографировать. Глеб быстро дочистил кусок до стены, обнажив весь мозаичный тюльпан. Больше никаких предметов в этом слое не было.

Глеб работал, не подымая головы, но краем уха слышал, как девушка поднялась на ноги, прошла по краю раскопа туда-сюда и, наконец, удалилась, что-то напевая себе под нос. Песенка эта, мелодичная и грустная, была какое-то время слышна, затихая, сливаясь с шорохом степной травы.

Вряд ли когда-нибудь еще увижу эту Лару, – с грустью подумал Глеб, и потом, когда последующие события, фантастические и страшные, закрутили его, словно щепку на воде, он не раз вспоминал эту мысль и дивился своей проницательности, которая сработала на сей раз с точностью наоборот.

* * *

Глеб вылез из ямы по шаткой деревянной лесенке. Надо сфотографировать монету в том положении, в каком она была найдена. Он запустил руку в седельную сумку своего мотоцикла, шаря в поисках фотоаппарата, но в ладонь попадали бумаги, рукавицы, шариковые ручки, еще какие-то мелочи... Так-с! Меньше надо пить черного тмутараканского по ночам. В наказание – гнать сейчас в лагерь. Пусть, в принципе, фото монеты на ее родном месте и не обязательно: по инструкции достаточно чертежа, а фото – по возможности, но Глебу так хотелось запечатлеть ее, первую свою монету, к тому же – что самое важное – нужно будет продемонстрировать сотрудникам археологического музея точное место, где лежала эта странная монета.

– Сед! – позвал Глеб, подойдя к обресту ямы. – Я сгоняю в лагерь за фотоаппаратом.

Студент замер с археологическим ножом в руке, будто повар на рабочем месте.

– Темнеет... – неопределенно протянул он, и в голосе его звучала тревога.

– Ну и что?

– Ничего... А если я с вами? Мне тоже в лагере нужно... Это...

– Ты соображаешь, что говоришь? Тут всякие черные археологи бродят, а ты хочешь раскоп бросить?

– Ну, пленкой накроем...

– Ты что – *ее* боишься? – кивнул Глеб на скифскую бабу, сделав ударение на слове *ее*, так что им обоим вдруг стало не по себе, будто между ними пронеслась летучая мышь.

– Да не очень, – честно признался Сед. – Тут другое. Лара говорила, что в этом склепе живет древний дух.

– И ты веришь?

– Мало ли, чего на свете не бывает? Призраки могут объясняться вполне реально, просто еще не открытое физическое явление. Вот и в научных журналах пишут...

– В каких еще журналах?

– Ну, в этом, как его? И в другом... Глеб Сергеич! А может быть, просто позвонить кому-нибудь? Пусть принесут фотик, а?

Глеб и сам уже думал об этом, но позволить кому-то из ребят запросто копать с его вещах...

– Ты мне вот что лучше скажи, Седуксен! – Глеб также обратился к нему «полным именем», – Скажи-ка лучше: эта Лара, значит, тут уже давно ходит, вынюхивает что-то, так?

– Вчера была, – ответил Сед. – При мне – один раз.

– С чего ты взял, что она черный археолог? Сама она, что ли, об этом растрепала?

– Да нет. Просто шаталась тут, высматривала, просилась спуститься вниз, посмотреть, но мы не пустили. Я спросил: ты что – черный археолог? Она стала гнать пургу, что нет, не черный, да и вообще не знает, что это такое, что приехала недавно, остановилась в станице Виноградской, просто интересуется древностями... Ну, я и понял все про нее.

– Интуиция, что ли?

– Вроде того, – ответил Сед с гордостью. – К тому же, у нее сумка была, лопатка складная на ремне, а из сумки кисть торчала.

– С этого и надо было начинать, про лопатку и кисть, а не про интуицию. Ладно, я скоро обернусь. Если появится снова, гони ее в шею.

– Темнеет... – пролепетал Сед.

– Вруби генератор, – сурово заметил Глеб.

* * *

Темнело и вправду – по-южному быстро и глубоко. Старенький «Урал» стрекотал, часто чихая, под своим седоком. Глеб включил фару, шаря мутным световым пятном по степному бездорожью, затем выехал на станичную улицу, озаренную фонарями, хоть и редкими, и выключил свет.

На улицах не было ни души. Глеб подумал, что Сед лукавит, говоря о своих мистических страхах, о каком-то там призраке... Лучше выглядеть суеверным, чем обыкновенным трусом. Дело в том, что несколько дней назад по местному радио прошла информация о том, что где-то в пределах Краснодарского края объявилась террористическая группировка Доцоева. Жителей призывали к особой бдительности, рекомендовали не выходить без особой нужды и так далее. Каждый день поступали сообщения, одно другого загадочней. Оказывается, никто толком не знал, кто такой этот Доцоев, зачем покинул Кавказ и привел свою банду в Россию, да и с Кавказа ли он явился? В Ичкерии вообще никто не слышал о таком человеке. Скорее всего, Сед боялся, что его пристукнут террористы, позарившись на археологические ценности, а призрак склепа Гермона – лишь отговорка. Хотя, ничто не мешает Седу, с его расшатанной всякими веществами психикой, бояться и того, и другого.

Глеб перевернул все в своем «кабинете», обыскал также и камералку – помещение для камеральных работ. Кабинетом он считал маленький чулан в казачьей хате, которую ему выделили как служебную площадь. Камералка была в пристройке к этой хате, где, вероятно, в прежние времена располагался хлев. Еще в этой хате была спальенка и кухонька – комнаты одна другой меньше. Дом стоял на самом краю высокого обрыва над морем, через узкое окошко был виден туманный Крымский берег днем и цепочки керченских огней ночью. Никакого фотоаппарата Глеб не нашел, обыскав свое жилище до последнего темного уголка.

Он сел на табуретку, задумался. Теперь ему казалось, что он хорошо помнит, что укладывал камеру в седельную сумку сегодня утром. Выпасть по пути она не могла. Вывод напрашивался только один: кто-то умудрился стащить камеру. Вряд ли это был какой-нибудь местный воришка, который незаметно и неслышно подкрался к мотоциклу. Фотоаппарат могла взять только Лара, черный археолог.

Аппарат был хороший, с немецким стеклянным объективом. Глеб делал этим цифровым макросъемку даже самых мелких объектов.

И что же? Девушка Лара позарилась на саму технику или, может быть, дело не в фотоаппарате, а в том, что запечатлено на его карте памяти? Черные археологи хотят знать, что именно найдено в этом склепе. Зачем? Ответ один: готовится ограбление. Все найденные вещи хранятся на камералке, проникнуть в этот бывший хлев не стоит никакого труда. Выставить охрану? Назначить дежурства из числа самых крепких копателей?

Обо всем это Глеб думал, уже стрекоча своим «Уралом» по пути к раскопу. Над головой проносились летучие мыши. С моря дул ночной ветер, пирамидальные тополя волновались в вышине, словно пляшущие великаны. Свернув с проселка в чистую степь, Глеб заметил долговязую фигуру, бегущую навстречу: она резво размахивала руками, как профессиональный бегун, как Терминатор-2. Свет фар выхватил бледное, искаженное страхом лицо Седа. Глеб затормозил, круто развернув мотоцикл.

– Привидение! – сказал Сед громким шепотом.

– Ты что – опять напирался?

– Нет, гражданин начальник, вот те крест! – Сед и вправду широко, размашисто перекрестился. – Ужасное. Белое. Косматое, словно из соломы.

Глеб стукнул ладонью по заднему сидению.

– Садись!

– Я не хочу опять туда.

– Ладно. Быстро дуй в лагерь и вызови кого-нибудь, кто потрезвее. Двоих. Пусть сторожат раскоп. Не от привидений – от людей! – закончил Глеб, уже сдвигая передачу с нейтралки на носком сапога.

ПРИВИДЕНИЕ С КРЕПКИМИ КОСТЯМИ

Заглушив двигатель перед самым отвалом раскопа, Глеб услышал негромкий шипящий звук: это работал генератор. Прямоугольная яма светилась, проецируя свет, медленно сходящий на нет в тумане. Глеб хотел было спуститься в раскоп, но вдруг приметил в отдалении какое-то светлое пятно, вроде кучки песка. Он хорошо помнил, что ничего подобного здесь раньше не было. Быстро подошел к этому месту. У его ног лежала груда тряпья. Преодолев брезгливость, он перевернул ее. Все ясно: какие-то наволочки, пододеяльник, старый треснутый горшок и пучки соломы.

Тоже мне, как сказал дрожащий Сед – *словно* из соломы. Оно и есть из соломы. Только вот зачем?

Ему было вполне ясно, что Лара (он ничуть не сомневался, что это была именно она) сбегала в станицу, сорвала у кого-то во дворе с веревки белье, прихватила горшок, по пути распотрошила скирду... Вот и явилась Седу в качестве привидения.

Для чего? Только одна цель возможна: чтобы удалить его из раскопа. Спускаясь туда, Глеб уже знал, что он там увидит, вернее – чего он там *не увидит*.

Монетка пропала. Теперь ясно, зачем Лара стянула фотоаппарат – это был отвлекающий маневр, чтобы утащить монету. Глеб поедет за аппаратом, с Седом она справится сама. Только вот каким образом ей удалось просчитать все шаги Глеба – непонятно. Откуда эта девушка знала, что Глеб непременно помчится в лагерь, что Сед боится привидений и прочее? Разве что, только протопала демонстративно по степи, а затем вернулась на цыпочках и слушала их разговор?

Нет, не годится. Во время разговора о привидениях Глеб был наверху, возле мотоцикла, а камера уже исчезла из седельной сумки. А что если черные установили в районе раскопа какого-то жучка? Подслушивают или даже подсматривают...

Сказал бы еще: поднюхивают! – Глеб улыбнулся, но тут же нахмурился, потер лоб, как он всегда делал, когда мозг, живший под этой костью, наотрез отказывался соображать.

Так-с! Монетку взяла, а узорный флакон для благовоний или, как их почтительно именуют в каталогах – арибаллический лекиф, который прямо смотрел на нее из ниши, оставила. Что сие может значить?

Глеб, в нарушение всех правил, выковырял из ниши лекиф, завернул в платок и сунул в карман. Сед говорил, что Лара остановилась в станице Виноградской, что было в трех километрах отсюда. Сед он встретил с четверть часа назад. Еще столько же тот бежал ему навстречу. Наверняка он успеет перехватить девчонку на дороге. Глеб прыгнул в седло и рванул с места, выжимая из старого «Урала» все, на что тот был способен. Вылетев на хорошо утрамбованный проселок, Глеб включил четвертую передачу и стрекот сменился на глубокое бульканье. Так и вышло: быстро шагающую Лару он нагнал у самой околицы Виноградской. Услышав мотоцикл, девушка обернулась, затем остановилась, уперев руки в бока. Бежать ей было некуда.

Никаких сомнений: фотокамера Глеба просто болталась у нее на шее. Он тормознул с разворотом, встав в полуметре от девушки. Та чихнула, помахав ладонью, разгоняя облако выхлопных газов. Ярko блестели, ловя свет непогашенной фары, ее синие глаза.

– Отдай! – коротко приказал Глеб.

Лара молча сняла камеру и сунула ему в руки. Глеб устроил камеру в седельную сумку и застегнул ремешок.

– А теперь еще кое-что, – протянул Глеб руку ладонью вверх.

Лара вдруг повернулась и быстро пошла по дороге. Глеб соскочил с мотоцикла и нагнал ее. Схватил за локоть.

– Не валяй дурочку. Отдай, что взяла.

Ответ был самым неожиданным: Лара ударила Глеба ладонью в лоб, да так крепко, что он едва удержался на ногах.

Глеб никогда в жизни не бил женщину и сейчас не собирался дебютировать. Он схватил Лару за локоть и заломил руку ей за спину. Шепнул прямо в ухо:

– А ну, быстро! Верни монету, и я отпущу тебя.

Не тут-то было. Глеб почувствовал острую боль в колене: мерзкая девчонка ударила его ногой. Глеб уже изрядно забыл приемы уличных драк, а инстинкт не сработал. Он выпустил руку девушки и схватился за колено, рвущееся нестерпимой болью.

Этого делать не следовало. Лара быстро повернулась на месте и лягнула его, угодив подошвой в висок. Этот мощный, грамотный удар сшиб массивного мужчину с ног.

– Ах, ты, с... Змея! – воскликнул Глеб, успев вскочить на ноги, пока девушка, и вправду гибкая, стремительная, словно гадюка, не добила его до потери сознания.

Вторая молния ее удара пала на землю, в то место, где долю секунды назад была его голова. Да она не женщина! – мелькнула в этой уцелевшей голове спасительная мысль.

Глеб ударил ее в челюсть, как на боксерском ринге. Не женщина. Лара была в нокдауне. Ее глаза закатились, мышцы лица поехали, и красавица превратилась в настоящее чудовище. Глеб принял боксерскую стойку, чуть припрыгивая на месте. Со стороны это, наверное, выглядело довольно смешно.

Похоже, Лара поняла, что ей не одолеть этого крупного мужчину, несмотря на явную свою подготовку по части рукопашного боя. Она нащупала на груди кармашек, широко размахнулась и бросила что-то в степь.

– На, держи, шмок чиканутый! – крикнула черная археологиня, топнула ногой, повернулась и быстро пошла в сторону станицы.

Глеб не совсем понял, что означают эти жаргонные словечки, но ясно, что это не было комплиментом. Он больше не преследовал прыткую гадину. Успел заметить золотой промельк в свете мотоциклетной фары и быстро сообразил, что вряд ли она бросила что-либо другое, фальшивое.

Тоже мне, сама Лара Крофт в наших скудных краях объявилась! Найти маленький желтый кругляш в полной темноте – достаточно долгий процесс. Глеб таскал мотоцикл и устраивал его так и сяк, освещая рефлектором жухлую траву. Раз оглянулся и увидел на гребне холма, за которым скрывалась Виноградная, едва различимую в отблеске заката, микроскопическую фигурку Лары. Ему показалось, хотя и трудно разобрать с такого расстояния, что девушка, прежде чем спуститься в станицу, остановилась на самом горбе проселка и посмотрела сверху, как он шарит световым пятном по земле. Он вспомнил ее глаза. Что-то в них было особенное, и никак не вязался этот синий взгляд со всем, что она делала и говорила. Он вдруг переставил себе, что это и есть очередная игра про Лару Крофт, расхитительницу гробниц, и вот, надо лишь дернуть мышью, чтобы эта фигурка побежала туда, куда ему нужно...

Монета нашлась. Все потери были возвращены. Но что-то все равно не давало Глебу покоя.

* * *

Когда он доехал до раскопа, двое крепких парней были уже на месте – ребята, которые должны были выйти на склеп завтра утром. Они спокойно работали при свете софитов от генератора. Оказалось, что такое мудрое решение принял Сед: чем назначать каких-то сторожей, которые сидели бы тут с банкой домашнего вина, лучше в пожарном порядке организовать ночную смену.

Глеб вернулся в лагерь, прошелся среди палаток, постоял у костра на майдане – вытоптанной площадке, по краям которой палаточная улица расширялась, именно для того, чтобы и образовать майдан. Вокруг костра сидели, как всегда, попивая вино, бесконечно кадрясь и

передавая из рук в руки гитару. Молдаванка с глубокими черными глазами – Глеб забыл ее мудреное имя – хитро смотрела на него исподлобья. Вчера он присел с нею рядом, она заигрывала, перекидывая пучок волос с плеча на плечо. Наверное, думает, что он и сегодня продолжит то же самое. Нет. Проверив лагерь, он побрел домой. Перед глазами стоял облик этой несносной Лары. Красавица молдаванка казалась ему уже серенькой, неинтересной.

Нарочито звонкий ее смех и бренчанье двух гитар то затихали то выплескивались из-за углов палаточного городка, причудливо изгибающего звуковые волны меж брезентовых стен. Глеб отказался пить вино у костра, но ничто не мешало ему сделать это дома, в одиночестве. Есть у него заначка черной «изабеллы», но не стоит этого делать, а надо спать, спать, потому что завтра трудный день, впрочем, как и каждый летний день экспедиции.

Но сон не шел: перед глазами сгустился, наливаясь каменной массой, плоский круг неприятного, отталкивающего лица. Скифская баба.

Вот что на самом деле мучило его как ученого: сегодня выяснилось, что скульптура попала в склеп... Известно, как.

Глеб рывком сорвал одеяло с лица. Сел на кровати, нащарил ногами тапочки, включил фонарик. Вот она, банка... Он налил темной жидкости в стакан и залпом выпил. Подумал и выпил еще. Закурил. Есть еще фляжка со спиртом, можно бы махнуть граммов пятьдесят... Или не стоит?

Голова прояснилась, и тайна скифской бабы щелкнула, как орех. Допустим, кто-то вскрыл склеп на рубеже нашей эры. Например, рядом шло строительство, и те, кто проник в подземелье, загорелись идеей вытащить каменную скульптуру наверх, чтобы использовать ее для фундамента своей постройки. Тогда подземный могильник мог находиться прямо на территории какой-нибудь усадьбы – чего только не менялось на полуострове за тысячелетия!

В то время уровень пола как раз пролегал пятью дециметрами выше основания склепа. Строители вытащили каменную бабу, поставили на этот уровень, но, убедившись, что наверх они ее поднять все равно не смогут (входное отверстие слишком мало), бросили свою затею. А баба так и осталась стоять на новом уровне, засыпаемая отложениями грунтовых вод, пока камера не заполнилась доверху. Вот и получилось, что она как будто летает внутри склепа.

Кстати, и монету обронил кто-то из строителей, на современном ему уровне, вровень с бабой, и все встает на свои места, и никакого открытия тут нет, и можно спокойно уснуть...

Успокоившись, Глеб завернулся в одеяло. Он стал всего лишь свидетелем извечного круговорота строительного камня. Тысячелетиями люди использовали одни и те же материалы: из гранита великих пирамид был построен мусульманский Каир, блоки Россы до сих пор стоят в фундаментах казачьих хат современной Тамани, даже Тмутараканский камень с бесценными барельефами и картой полуострова, лежащий сейчас в Эрмитаже, был когда-то крыльцом саманной хижины деревенского жителя...

Спать, спать, все в порядке, все объяснимо, естественно... Но...

Глеб вновь откинул одеяло и уставился в потолок.

Пусть все так, но почему строители все же не уворовали из склепа более ценные и мелкие предметы, чем скифская баба? Ну, ерунда... Там было темно. Часть предметов было уже занесено песком, это сейчас они как на ладони, например, лекиф...

Глеб вздрогнул: сон как рукой сняло. Арибаллический лекиф! Хорошо, чисто дамский предмет, древние строители просто могли не обратить на него внимания: кому тогда был нужен старый сосуд для благовоний, бабская игрушка?

Но Лара! Почему она унесла из раскопа только монету и больше ничего. Ведь такой лекиф стоит на черном рынке немногим меньше золотой монеты.

Почему Лара не взяла в склепе ничего, кроме этой монетки? Ведь она – черный археолог, а в раскопе были гораздо более ценные для нее вещи.

Глеб стал думать об этой девушке, уже и впрямь засыпая. По выговору и словечкам явная одесситка. Дерется, как профессионал. Неужто черные археологи столь серьезно подходят к своей профессии, что занимаются спортом и изучают боевые искусства?

Уже в полубреду-полусне он вдруг соединил образ того, кто потерял монету, с тем, вернее – с той, кто ее нашел. Оба были черными археологами, один современный, другой – древний. Оба не взяли в склепе ценности, которые буквально смотрели на них. Лара взяла только монету. Тот, давно переваренный матушкой землей, не взял ничего. Возможно, они оба искали что-то одно – искали, но не нашли.

* * *

Утром Глеб пошел в станицу пешком. Одно дело проехать краем поселения на незарегистрированном мотоцикле, не имея водительских прав, на раскоп и обратно, другое – показаться на центральной площади, перед зданием администрации, где всегда торчит дорожная служба, снимая скорость с транзитных грузовиков, чтобы получить с них своеобразную дань за проезд.

Всех этих татаро-монголов Глеб знал, и они знали его. Старенький «Урал», между прочим, был из списанных милицейских, он стоял в саманном сарае экспедиционной хаты, прежняя экспедиция пользовалась им нелегально, пока не убила коробку передач, а Глеб починил мотоцикл, приняв его в наследство. Обо всем этом прекрасно знали в милиции, и археологу ясно дали понять, что в любой момент могут схватить его за шкирку и вытащить из седла. Все это мелкие, ничтожные, никчемные игры провинции. Мотоцикл был якобы одним из рычагов, которым администрация воздействовала на пришлого молодого специалиста... Ну вас. Хожу пешком.

Он убеждал себя в том, что ищет Лару именно из деловых соображений: ему-де необходимо знать, быть точно уверенным, что в окрестностях не орудует какая-нибудь шайка нелегальных копателей, бесбашенный шалман из Одессы-мамы, чтобы его орлы могли работать спокойно и так далее. На самом деле, Глеб просто хотел еще раз увидеть эту девушку. Говорила она весьма примитивно и могла сойти за посредственность, которых на свете немало. Уж лучше – молдаванка. Но Глеб хорошо помнил ее глаза. Это были глубокие, внимательные, полные ума и печали глаза. И песня, что она распевала в степи, крепко взяла его за душу. И что-то еще исходило от нее, Глеб не мог объяснить этого словами. Сияние, да и только.

Он зашел на станичный базар и быстро отыскал нужного человека. Это был Щерба, хорошо известный на Тамани казак, который, как Глеб неоднократно убеждался, знал все и даже более того. Щерба покрутил черный ус, подумал, сплюнул и сказал:

– Деваха живет на улице Лебедева, у тети Дуси. Третий дом от угла по левой стороне. Деваха приехала с недельку назад. Одна.

– С меня причитается, – сказал на прощанье Глеб, подумав, что пить со Щербой, считающим себя потомственным казаком и хранящим под стрехой дедовскую саблю, будет весело и даже весьма познавательно.

– Калитка у тети Дуси скрипит сильно, – добавил казак. – Как войдешь, хозяйка сразу и выбежит. А вино у нее – самое лучшее на той улице.

Тетя Дуся оказалась женщиной под шестьдесят, тучной и круглой, в цветистом ситцевом платье, многожды штопанном. Сразу стало ясно: она уже приняла с утра толику своего прекрасного вина. Пройдя под навесом, увитым виноградной лозой, где зрели гроздья недалекого будущего, Глеб вошел в хату. По словам тети Дуси, девушка съехала где-то час назад. Глеб пожелал осмотреть комнату, где она жила. Хозяйка не стала спрашивать, зачем, а просто распахнула перед ним дверь, ведущую в маленькую светелку с белеными стенами.

Крошечное окно, как всегда в этих хатах – в одно стекло, без форточки, старый письменный стол у окна, добытый, видимо, в местной школе, казачья печка под уголь, теперь, летом, используемая как комод, узкая кровать, на которой мог уместиться только один спящий, – все это было каким-то трогательно-девичьим, особенно – узкая железная кровать. Конечно, обстановка принадлежит хозяйке, но она как-то все равно связывается с личностью Лары. Глеб впервые отдал себе отчет в том, что питает к ней нежность. Жаль, что они с девушкой занимают разные стороны баррикад и движутся в разных жизненных потоках.

Тетя Дуся присела на единственный стул, сложив руки на животе.

– Моя квартирантка была ведьмой, – вдруг сказала она.

– Реально? – удивился Глеб.

– Колдовала. По ночам не спала, жгла вонючую свечу, – хозяйка показала пальцем на печь, где возвышалась маленькая горка воска. – Я думаю, она появилась в станице неспроста.

– И чего же ей было надо?

– Она охотилась, – с таинственным видом заявила тетя Дуся.

– На кого? На домашнюю птицу и баранов?

– На привидений.

– Как в кино?

– Ага! Она и приехала сюда после того, как появилось привидение.

– Когда же оно появилось?

– Привидение появилось тогда, – проговорила тетя Дуся с терпением в голосе, – когда вы раскопали могилу на стройке.

Еще при ознакомительной беседе, по пути от калитки, она успела сообщить ему, что всю жизнь проработала учительницей начальных классов. Вот откуда происходила эта педагогическая интонация.

– Пьяные бабки видели грека, – добавила тетя Дуся.

– Какого грека? Почему пьяные бабки решили, что он грек?

– Он выглядел, как грек. Вот что я тебе скажу: это и был грек. На нем была эта, как ее? Хламида-монада... Такая складчатая тряпка, – тетя Дуся пошевелила пальцами над своей бесформенной грудью.

– Это называется хитон.

– И еще у него была борода, курчавая борода... Я думаю, что и бандиты Доцоева не просто так появились в наших местах именно сейчас. Все это как-то связано...

– А что пьяные бабки говорят о Доцове? – Глеб решил сменить тему.

Он слушал рассеяно, разглядывая комнату. Тетя Дуся поведала, что в народном представлении Доцоев мыслится героем, вроде Дубровского или Робин Гуда...

– Главное, что Доцоев – никакой не чеченец, а русский. Первый в истории русский террорист!

– Первыми были Нечаев, Желябов, Кибальчич, – возразил Глеб. – Кроме того, Доцоев – это все же чеченская фамилия.

– Те, кто его видел, говорят, что он русский. Говорят, что он неуловим, что всегда уходит, как сквозь землю проваливается. Наконец-то и русские за ум взялись, – с мечтой в голосе закончила тетя Дуся.

Помолчали.

– Кто-то идет, – вдруг встрепенулась она. – Калитка мне напела. Пойду-ка я встречу.

Вот она, мысль народная. Придет герой со стороны и все сделает за нас...

ПОКИНУТОЕ ЖИЛИЩЕ ЛАРЫ КРОФТ

Воспользовавшись тем, что хозяйка ушла, мелькнув в дверном проеме штопаной ситцевой спиной, Глеб стал тщательно осматривать комнату. Он не знал, что именно ищет, да и не было ничего особенного: ни на печи, ни в ящике стола. Он заглянул под кровать. Какой-то предмет лежал в глубине, короткая трубочка, похожая на дудку. Глеб выкатил ее на свет.

Это и была дудка – керамика из обожженной глины. Глеб раньше никогда не видел подобного предмета, но почуял, едва прикоснувшись, что предмет древний. Это и есть пресловутое археологическое чутье, о котором он рассуждал вчера.

Вдоль корпуса дудки шла вереница отверстий. Глеб насчитал их десять. Скорее всего, ноты. Он вытер кончик дудки платком и дунул в нее, перебирая пальцами по отверстиям. Звук был чистый. В детстве Глеба сдали в музыкальную школу, по настоянию отца, конечно. Он недоумевал, зачем будущему историку теория музыкальных элементов. Знания, полученные тогда, ни разу не пригодились ему в жизни, вплоть до сегодняшнего дня. Это были и вправду ноты, выбранные почему-то от «ре» первой октавы до «фа» второй. Глеб сыграл «Чижику», благо что эта мелодия вписывается в странный диапазон дудки и не имеет полутонов.

Палец нащупал на глади изделия какую-то шероховатость. Глеб посмотрел: на цилиндрической поверхности отпечатан маленький знак. Где-то он уже видел его...

Шаги, которые приблизились к двери с другой стороны, явно не принадлежали тучной хозяйке – легкие, торопливые шаги. Глеб узнал их и поспешно спрятал дудку за пазуху, не успев толком разглядеть странный символ.

Лара вошла в комнату, притворив за собой дверь. Не сразу вскинула на Глеба глаза. Казалось, она вовсе не была удивлена тем, что видит его здесь. Не сказав ни слова, прошла по комнате, выдвинула ящик стола, осмотрела печку-комод, повторив недавние действия Глеба. В этой крошечной комнате было не так уж много мест, где могла быть забытая ею вещь. Например, керамическая дудка. Лара присела на корточки, изогнувшись, показав под топином острые лопатки. Косичка чиркнула по коричневой доске пола.

Убедившись, что и под кроватью пусто, она, так же, как и Глеб вчера в степи, протянула руку ладонью вверх:

– Отдай, что взял.

Глеб пожал плечами и вытащил дудку. Воровство не входило в число его жизненных правил.

И вдруг, только теперь, когда проворные пальцы завладели инструментом, Глеб еще раз увидел на его боку символ и понял, почему он ему знаком. Точно такой же отпечаток – кувшин, перечеркнутый косым крестом – он видел на стене склепа Гермона. Это значило, что Лара все же нашла в раскопе предмет, который интересовал ее больше других археологических ценностей, а монетку просто стащила для отвода глаз. И этим предметом была дудка!

– Один ноль в твою пользу, – устало вздохнул Глеб, присев на пол рядом с девушкой. – Скажи мне, наконец, что это такое и зачем оно тебе?

Лара вскочила на ноги, двумя шлепками отряхнув бриджи.

– Будешь много знать и скоро станешь старым. Очень и очень старым, – весело ответила она, коверкая поговорку.

И тут со двора донесся протяжный вопль. В этом крике был такой отчаянный ужас, что Глеб непроизвольно вздрогнул. Кричала, конечно же, тетя Дуся. Она ворвалась в комнату, споткнулась на пороге и шлепнулась на пол. Казалось, что женщина вот-вот потеряет сознание. Одной рукой она держалась за сердце, другой – указывала на дверь.

– Там... Оно... Стоит... Смотрит...

Лара мигом совалась с места, Глеб ринулся за ней.

Привидение из склепа, – подумал он. – Колониальный грек в хитоне. Возможно, не только Лара любит переодеваться, а это вообще – привычка черных археологов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.